

К спорам о Шекспире

Самуил АЛЕШИН

Слава «Влюбленного Шекспира» не до конца затмила споры о прототипе голливудского героя. До этого читатель «Известий» мог в основном познакомиться с точкой зрения, оспаривающей авторство «человека из Стратфорда». Теперь слово за автором, влюбленным в Шекспира.

При жизни Шекспира его авторство ни у кого не вызывало сомнений. Даже если предположить, что истинный автор по каким-то причинам строго сохранял свое имя в тайне, так и то что-либо тогда же просочилось бы. Даже потому, что всегда найдутся завистники, особенно из числа коллег по перу, которым трудно будет пережить чужой успех. Но и следов таких слухов тоже нет. Так почему же?

Да, действительно аристократ Рэтленд побывал в тех местах, о которых речь в пьесах. И умер за четыре года до смерти Шекспир. Да, он был связан с театром и вполне мог изложить свои замыслы в виде пьесы.

Да, знаменитый философ Бэкон, живший в те годы, мог бы придать своим глубоким размышлениям и чувствам форму драматических произведений.

Да, возможно и еще кто-нибудь, весьма образованный, мудрый и разъезжавший по всему свету, был в состоянии взяться за перо и изобразить все богатство своих мыслей и страстей так, чтобы слева было — кто говорит, а справа — что говорит. То есть, опять-таки, в виде пьесы.

Суть в том, что рождение истинной пьесы у драматурга не имеет ничего общего с тем, как она складывается у того, кто драматургическим даром не обладает. Хотя этот последний и был бы образованнейшим человеком, крупным философом, мудрецом и даже писателем — прозаиком или поэтом.

Этим даром, однако, вполне может обладать полуграмотный неважный артист, не поднявшийся в своем завещании выше того, кому и какую кровать передать после смерти.

Но почему я, собственно, отрицаю возможность наличия такого дара у того же Рэтленда или Бэкона? Неужели только потому, что об этом никто тогда широко не знал или по каким-то неведомым нам ныне причинам соглашался прикрыть истинного автора именем Шекспира?

Разумеется, нет. Главное — это чем должен быть одержим драматург, чтобы пьеса у него состоялась, и что является для него бесценным строительным материалом. То есть как пишется и созревает пьеса.

И первое, что всегда, даже произвольно занимает внимание драматурга, — это живая человеческая речь. Ее особенности. Ее способность отражать пол, возраст, образовательный ценз, настроение, правдивость или лживость говорящего и еще много всяких других подробностей. Причем улавливать все эти особенности речи должно быть не тяготой, а, наоборот, наслаждением для драматурга. Фиксировать все это ему следует с аппетитом. И вместе с тем, речь — речью, а драматург обязан ощущать весомость, ценность, многозначительность пауз, молчания. Ремарки, которыми он потом сопроводит свои тексты, должны быть точны. Такими, чтобы артисты и режиссеры хотели им следовать, а не пропускали бы мимо ушей. Чувствовали бы, что если именно так произнести текст, он станет наиболее выразительным и достоверным, убедительным.

Для того, чтобы потом написать все это, драматургу нужно обладать особым УХОМ. Я уже как-то об этом писал.

Но всего этого мало. Драматург должен заранее чувствовать, что будет происходить со зрителем в зале. Когда его внимание повысится, а когда начнет угасать. Как устранить утомление. Где сделать перерыв — антракт. И где сосредоточить пик внимания.

И вот вы, уважаемые ученые и исследователи, добросовестно трактуя малейшие детали биографий разных современников Шекспира и его самого и оспаривающие его авторство, хотите нас уверить, что для того же Рэтленда или Бэкона все эти заботы и помыслы истинного драматурга составляли главную часть жизни? Это у людей-то, которых жгло стремление к власти? Или к утверждению своих философских концепций? Или еще к чему-либо, кроме страсти писать

пьесы и видеть их на сцене?

Да, совершить заговор против королевы Елизаветы — это они могли и этим были заняты. Потерять за это голову, как Эссекс, — тоже. Предать, за что и был отмечен и награжден Рэтленд, — это ему удалось. Потрясать реальными копыями — сколько угодно. Но потрясать души людские на протяжении веков — это было им не под силу. Для этого надо быть драматургом, причем таким, как Шекспир — и только. И это оказалось под силу малограмотному человеку театра. Именно поэтому ни его коллеги по драматургии — Кристофер Марло и другие, ни товарищи по «Глобусу» — Ричард Бербердж, Кемп и прочие, ни вообще кто-либо из современников не высказывал даже тени сомнения, что именно Шекспир — потрясатель того копыя, которым не протыкают тело, а будоражат чувства, совесть и разум.

Не исключаю, что тот же Рэтленд или Бэкон передавал в театр свои поделки, написанные в форме пьес, с целью помочь решению их главной задачи — утверждению той или иной власти. Известно, что спектакль о Ричарде III должен был служить сигналом к восстанию против Елизаветы.

Но чтобы эти поделки стали пьесами, к ним должна была прикоснуться даже не обязательно рука Шекспира, а его мысль, голос, придающие персонажам жизнь. Как? Тем, что поменял слово, или фразу, или ситуацию, изменил поворот сюжета или перенес ударную сценку в нужное место, или нашел для завершения наиболее ударный финал. Причем все это могло происходить даже не за столом драматурга, а во время репетиций или после нескольких спектаклей, делая поправку на реакцию зрителей. (Поскольку тогда еще не было режиссеров, их роль исполнял актер или автор — Шекспир.)

Вот за эту работу и славят не слишком удачливого актера, дельца и в семейной жизни человека по имени Вильям Шекспир в течение четырех веков. И чтут, оберегают его могилу в церкви святой Троицы в Стратфорде-на-Эйвоне.

Более сорока лет назад я написал и опубликовал пьесу «Человек из Стратфорда» о молодом Шекспире. Ее сыграли на радио в 1959 году в английском переводе приехавшие на гастроли в Москву стратфордские актеры. (Есть запись радиоспектакля.) А в 1964 году она была поставлена к юбилею Шекспира (400 лет со дня рождения) в московском академическом Малом театре. (Потом и в других — в Ленинграде, Иванове). В ней я постарался показать, чего стоит версия об авторстве Рэтленда, а также дал свою догадку о том, кто играл женские роли в «Глобусе».

Помнится, тогдашние самые авторитетные шекспироведы — А. Аникст и А. Смирнов — не только не опровергли мои гипотезы, но доброжелательно поинтересовались, откуда они взяты. На это я мог с достоверностью ответить им лишь одно: «Из моей головы». Что их вполне удовлетворило, а, судя по тому, как шел спектакль, также и зрителей.

И там, как и здесь, утверждаю: да, властолюбцы иногда пишут пьесы. Но подлинный драматург бежит от власти. Она его только обременит и отвлечет от главного: понять, какова душевная цена каждого поступка в жизни. Цена любви, ненависти, предательства, верности, самопожертвования и равнодушия. Кстати, и цена погони за властью. Только ради того, чтобы почувствовать это изнутри, драматург может на время принять на себя ее тяготы. Но только на время, иначе погибнет как драматург.

А использование чужих сюжетов или произведений, которые становятся потом единственными — что ж, и до Шекспира так делали, и после. Тот же Мольер, хотя бы.

Ну так что? Убедил я вас, дорогие почтенные шекспироведы и вообще все те уважаемые люди, положившие годы жизни на поиски того, кто якобы стоял за спиной Шекспира?

Скорей всего, нет. Трудно зачеркнуть то, на что потрачено много лет и сил, я это понимаю.